

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Заключительные эссе (год спустя)

- Глава 5. Дейв Формен. Новые мысли эковиона
- Глава 6. Мюррей Букчин. За что я выступаю сейчас

Глава 5. Дейв Формен.

Новые мысли эковоиона

Как активист, я избрал темой своего рассуждения проблемы нечеловеческой природы. Я вместе с Джоном Мьюиром решительно принимаю сторону медведей в той войне, которую индустриальное общество объявило Земле. Но это вовсе не означает, что я ненавижу людей как таковых. И из этого не следует, что меня не трогают человеческие страдания, экономическая несправедливость, империализм или нарушения прав человека. Хотя я действительно не могу определить себя как левого, по тем причинам, о которых я упоминал, я всё же согласен со многими либертарными, демократическими левыми по широкому кругу социальных вопросов. Я определённо признаю необходимость в укреплении связей между социальными интересами левых и моими чистосердечными и давними экологическими интересами.

Я многому научился из критических замечаний Мюррея Букчина и готов признать ошибки, допущенные с моей стороны в прошлом. Я часто оставлял невысказанными, иногда даже неизученными, социальные аспекты таких проблем, как перенаселение, бедность и голод, когда пытался обсуждать их биологическую природу. Кроме того, я не всегда ясно давал понять, что для меня невыносимо человеческое горе, которые влекут за собой подобные проблемы. Я вёл себя бестактно, хоть и неумышленно, и за это я смиренно прошу прощения.

Позвольте мне привести два примера. В 1986 г. профессор Билл Диволл, соавтор «Глубинной экологии», брал у меня интервью для австралийского журнала «Простая жизнь» (Simple Living). В этом интервью я сделал два заявления, о которых теперь сожалею, одно о голоде в Эфиопии и другое о латиноамериканской иммиграции в Соединённые Штаты. В первом случае я сказал, в ходе долгого обсуждения проблемы голода и перенаселения: «Худшее, что мы могли сделать в Эфиопии, – это предоставить помощь; лучше всего было бы просто позволить природе найти свой собственный баланс, просто дать людям там умирать от голода... альтернатива заключается в том, чтобы вы поедете туда и спасёте этих полумёртвых детей, которые никогда не будут жить полноценной жизнью. Их развитие будет задержанным. Пройдёт ещё десять лет, и тогда страдать и умирать будет вдвое больше людей». Вопрос об иммиграции я прокомментировал так: «Позволить США быть предохранительным клапаном для Латинской Америки – это не решение проблемы. Это лишь увеличивает нагрузку на ресурсы, которые имеются у нас в США»⁷².

Хотя мне весьма досадно, что эти два мимолётных комментария использовали для того, чтобы отрицать значимость всего сказанного мной и изображать меня расистским и фашистским клоном Дэвида Дюка⁷³, я всё же признаю, что эти высказывания были бестактными и упрощенческими. Я могу видеть, как эти замечания, выдернутые из общего контекста моих тем и работ, дают основание считать меня чёрствым поборником

американского шовинизма. Однако в первом случае я не вполне ясно высказал то, что на самом деле имел в виду, а что касается второго – теперь я отвергаю некоторое из того, что я имел в виду в то время.

Действительно, внимательно выслушав критику в свой адрес, я пересмотрел своё мнение по поводу нелегальной иммиграции. Хотя я всё ещё полагаю, что массовая и неограниченная иммиграция в любую страну – это серьёзная проблема, я не поддерживаю усиление пограничного патруля и других служб, которые пытаются не пускать латиноамериканцев в эту страну. Я не думаю, что это реалистичный или этичный ответ на глубоко лежащую проблему.

Как я говорил ранее, я давно испытываю глубокую симпатию к движению за право убежища. Также я всегда выступал против политики Рейгана – Буша, направленной на поддержку доморощенных феодальных хунт на юге и свержение прогрессивных реформаторских правительств наподобие сандинистов в Никарагуа. Более того, я уже долгое время поддерживаю движение солидарности в США, которое пытается помогать и содействовать реформаторским и революционным движениям в Центральной Америке. Я считаю, что мы должны расформировать ЦРУ и запретить другим ведомствам США тайно или открыто готовить интервенцию в страны третьего мира. Я убеждён, что не будет ни земельной реформы, ни демократии, ни конца репрессий и эскадронов смерти, если латиноамериканский средний класс, крестьянство и городские интеллектуалы не объединятся в негодование и не совершат коренных преобразований посредством революции, аналогичной той, что свергла Сомосу в Никарагуа.

Но, говоря начистоту, я всё ещё хочу задать вопрос: что, если, следуя либеральной догме о неограниченной иммиграции, мы фактически отдаляем революции или успех демократических реформаторских движений в Латинской Америке? Это одна из возможных издержек использования нашей нации в качестве предохранительного клапана, выпускающего из Латинской Америки непокорных, сердитых, обездоленных и политически активных граждан, если оставить в стороне воздействие на экологию. Хотя предложение Эда Эбби о том, чтобы отправлять каждого нелегального беженца, который был пойман, домой с винтовкой и тысячей патронов, можно считать легкомысленным и непрактичным, в нём есть крупица здравого смысла, которой пренебрегают либералы и слишком многие левые.

Итак, я приношу свои извинения за то, как мои взгляды на нелегальную иммиграцию могли быть изложены в интервью для «Простой жизни», но при этом я не могу избавиться от мучительных сомнений в отношении неограниченной иммиграции. Несмотря на всё моё сочувствие и расположение к угнетённому народу Мексики и Центральной Америки, несмотря на моё отвращение к искусственным государственным границам, несмотря на мою антипатию к пограничному патрулю, я не могу убедить себя в том, что неограниченная иммиграция из Латинской Америки или откуда бы то ни было станет кардинальным решением проблем здесь или там. Маленький тролль, притаившийся в уголку моего мозга, продолжает изводить меня вопросами. Кому реально помогает неограниченная иммиграция? Как она влияет на устойчивость нашего общества? Не обостряет ли она на самом деле социальные и экологические проблемы здесь и в Латинской Америке? Какие

эффективные и гуманные решения очевидных и скрытых проблем можно найти в этой драматичной ситуации?

Точно так же вызывает у меня серьёзные сомнения однотипная «гуманитарная» иностранная помощь, которая предлагается в ответ на усиливающуюся проблему голода в третьем мире. Именно это я пытался донести в своих комментариях по поводу голода в Эфиопии. Я, однако, оказался не в состоянии чётко изложить этот пункт в моём часто цитируемом высказывании по этому вопросу. Более того, моё опрометчивое, поспешное высказывание как бы подразумевало, что голод был чисто биологическим вопросом, возникшим из-за того, что было слишком много людей и слишком мало ресурсов, и никак не связанным с организацией общества, экономической эксплуатацией или международными отношениями. Ещё это звучало так, будто лучшим возможным ответом со стороны общества было бы ничего не делать, не предлагать никакой помощи и просто позволить голодающим голодать дальше. Я весьма сожалею о тех словах, которые я выбрал для своего комментария. Взятые сами по себе, вне контекста, они действительно кажутся бессердечными.

Я пытался разъяснить – и думаю, мне это удалось, если принять во внимание остальную часть интервью, – что прославленная гуманитарная помощь из Соединённых Штатов или Западной Европы часто не даёт тех результатов, на которые мы надеемся, и даже может вызывать противоположный эффект. Проблема голода имеет много важных причин, которые могут и должны быть устранены дальновидными, творческими действиями со стороны социальных движений в Соединённых Штатах и остальных странах первого мира. Мы, несомненно, сможем сыграть положительную роль, даже при том, что ответы часто неочевидны для меня, да и сама проблема очень сложная и застарелая.

У меня всё ещё остаются вопросы к вызывающей столько восторгов кампании по оказанию помощи во время эфиопского голода середины 1980-х. И я думаю, что эти вопросы отчаянно нуждаются в изучении. Действительно ли грузы продовольствия, отправленные в Эфиопию, облегчили страдания людей? Способна ли такая помощь, в лучших её проявлениях, сделать нечто большее, чем отсрочить этот позорный голод на короткое время, не затронув первопричину проблемы? Какая участь ждёт тех бедняг, которым сохранили жизнь партии продовольствия, отправленные в 1985–86 гг.? Большинство выживших сохранили своё здоровье и рассудок, или они так и останутся увечными и неполноценными? И наконец, не станут ли эти несчастные непосильным бременем, мешающим Эфиопии решать свои проблемы? Знаю, это ужасные и непростые вопросы, но я думаю, мы должны, по крайней мере, принять как данность, что на горизонте этой всё больше превращающейся в пустыню земли маячит новый голод.

Нам нужно тщательно и непосредственно на месте проанализировать результаты этой весьма искренней – и иногда героической – социальной акции. Из того, что я прочёл, у меня сложилось впечатление, что достичь удалось весьма немного и что эфиопская военная хунта использовала поставки продовольствия в качестве политического оружия, чтобы наградить тех, кто поддерживал центральное правительство, и наказать тех, кто поддерживал мятежников в гражданской войне. Так ли уж неправдоподобно в таком случае выглядит утверждение, что от гуманитарной помощи Эфиопии больше всего выиграли (не

считая военной хунты) те, кто вносили вклад в неё на Западе, кто могли упиваться ролью либеральных благодетелей, без необходимости бороться с ощутимым неравенством между первым и третьим мирами, или раскрывать тайны экономического империализма транснациональных корпораций и финансовых учреждений наподобие Всемирного банка, или менять свой собственный сверхрасточительный образ жизни?

Я думаю, можно убедительно доказать, что такие некритические, разовые социальные акции лишь препятствуют появлению хорошо продуманной, долгосрочной программы по оказанию помощи, которая помогла бы местным земледельцам поднять хозяйство, с орудиями и культурами, приспособленными к их специфическим экологическим условиям и общественным нуждам. И дальше нужно задать вопрос, признаю, ужасный вопрос: что, если такая приходящая в последнюю минуту гуманитарная помощь в действительности лишь позволяет местному населению, вышедшему за границы потенциальной ёмкости земли, растянуть своё существование ещё на несколько лет и со временем вызвать ещё большее истощение ресурсов, поддерживающих жизнь людей и других видов? И снова просыпается тролль в глубине моего мозга. Не приносят ли такие либеральные гуманитарные акции больше вреда, чем пользы, как людям, так и земле?

Конечно, растущее с каждым годом число радикальных социальных активистов осведомлено о многих из тех проблем, которые я здесь поднимаю. Но, к сожалению, многие левые (и правые) продолжают упрощённо излагать причины трагедии, происходящей в таких местах, как Эфиопия, так как горят желанием составить как можно более громкий обвинительный акт против того или иного институционального демона, которого выдвигает на первый план их идеология.

Пожалуйста, давайте будем реалистами и признаем, что несколько разных, но взаимосвязанных демонов работают над созданием условий для голода и что перенаселение является одним из них и заслуживает самого пристального внимания. Хотя я согласен, что к вопросу народонаселения можно подходить с узких, расистских и фашистских позиций, я категорически отвергаю представление, что вырастающее на почве экологии беспокойство по поводу человеческого перенаселения во всех без исключения случаях расистское и фашистское. Разве будет расизмом и фашизмом, к примеру, предлагать, чтобы методы и средства контроля рождаемости, включая французский препарат для аборта и стерилизацию, сделали доступными бесплатно для любой женщины или мужчины в мире, которой или которому они понадобятся?

Я не готов заставить тролля-еретика в моей голове умолкнуть, чтобы получить свидетельство о «политкорректности» от левых. И всё же теперь я вижу проблему перенаселения более ясно, чем тогда в 1986 г. Благодаря Мюррею я стал понимать, что те из нас, кого беспокоит заложенная бомба народонаселения, должны изучать все свидетельства так тщательно, как только возможно. Мы должны учитывать многочисленные социальные, культурные и экономические причины роста населения так же, как и биологические, и мы должны выступать за экономическую справедливость и устранение неравномерности в распределении земли, пищи и других предметов жизненной необходимости так же, как и за гуманное и долгосрочное сокращение народонаселения. В этом и заключается моя позиция. Если она кому-то не по душе – прекрасно, только,

пожалуйста, критикуйте именно её, а не сделанное около пяти лет назад экспромтом и вырванное из контекста заявление, которое неточно отражает продуманную мной точку зрения.

К сожалению, я сомневаюсь, что эти подробные разъяснения и извинения удовлетворят всех моих критиков. Кажется, многие из них охвачены догматическим, слепым гневом, который делает их неспособными вступить со мной в аргументированный диалог, чтобы вместе рассмотреть наши позиции и политические разногласия. Мюррей – важное исключение. Печально, но те, кто стремится заглушить меня во время разговора, громко выкрикивая «расист» или «фашист», или раз за разом публично выдвигает против меня одни и те же обвинения в прессе, сделали из меня пугало, которое больше напоминает их собственные фантазии и страхи, чем меня или мою позицию. И ещё более печально то, что, по моему убеждению, эти гневные и несведущие крикуны играют на руку провокаторам. ФБР откровенно нацелилось на меня и надеется заткнуть мне рот – не только преследуя меня своим сфабрикованным уголовным обвинением, но и используя свой талант разваливать общественные движения (отточенный в эпоху программы COINTELPRO на «Чёрных пантерах», Мартине Лютере Кинге и Движении американских индейцев), чтобы выставить это пугало напоказ и заклеить меня как расиста⁷⁴.

Меня часто полностью списывали со счётов люди, чьё представление о моей политической программе основывается единственно на этих двух коротких цитатах, которые выхвачены из контекста и составляют ничтожную часть всего сказанного или написанного мной. Также в порядке вещей стало искажать мои цитаты. Но, возможно, самым раздражающим было то, что меня считали «виновным в соучастии». К сожалению, многие из моих критиков, как правило, предполагают, что, поскольку я восхищаюсь Эдом Эбби и являюсь его давним другом, то я согласен с каждым его мнением по каждому отдельному вопросу, о котором он когда-либо говорил или писал. Меня также стали считать ответственным за каждое заявление, сделанное в «Земля прежде всего!» за то время, что я был её редактором. Лично я хотел бы познакомиться с каким-нибудь редактором общественно-политического издания, который всегда соглашался бы с каждым словом в каждой статье, которую он или она согласилась бы опубликовать. Обвинения такого рода просто абсурдны.

Однако я осознаю, что мой собственный стиль глубинно-экологической политики действительно является ересью с точки зрения некоторых ортодоксальных представлений, которые звучат сегодня в самых либеральных и самых левых суждениях. Маленький тролль в глубине моего сознания тоже часто не даёт мне покоя. Почему же те трудные вопросы, которые он поднимает, не должны беспокоить остальных? Возможно, одно из самых больших различий между мной и Мюреем в том, что я значительно более пессимистичен в отношении будущего, чем он. Я не уверен, что у нас есть достаточно времени, чтобы исправить положение, прежде чем голод, геноцид, война, тоталитаризм, эпидемии и экономическая разруха поглотят большую часть мира. Когда я смотрю в будущее, я редко вижу приятную картину, с охраняемой дикой природой, процветающими фермами, безопасными высокопроизводительными технологиями и улыбающимися детьми. Я надеюсь на это. Я работаю ради этого, но обычно мне кажется, что у нас мало шансов на такой исход.

Однако я ценю моего маленького тролля-еретика, поскольку если у нас действительно есть хоть какая-то надежда исправить положение, то она будет зависеть от того, сможем ли мы прямо взглянуть в глаза опасности. Нам не на что надеяться до тех пор, пока достаточное число людей не наберётся храбрости, чтобы верно определить основные проблемы, вызывающие экологический кризис. Эти проблемы, вне всякого сомнения, включают в себя социальный, политический и экономический аспекты, но они также охватывают экологические и биологические реалии. Нам нужно переосмыслить и пересоздать нашу социальную этику и политику на принципах экологии. И вот здесь мой маленький тролль оказывается полезным. Признать экологические корни наших неурядиц – это, в значительной степени, означает задавать непростые и тревожные вопросы по поводу ограниченной ёмкости биосферы земли.

Такие сомнения трудно понять людям, которые увлечены порождёнными современным индустриализмом мифами о роге изобилия и нескончаемым историческим маршем материального прогресса. Это особенно трудно для либералов и левых, многие из которых верят, что единственный способ покончить с бедностью и несправедливостью в том, чтобы экспоненциально наращивать доступный излишек экономических благ, пока мы не создадим сверхобеспеченное общество постдефицита, где никому не нужно драться из-за куска экономического пирога, поскольку этот пирог и так велик. Само представление об экологическом дефиците и потенциальной ёмкости ставит этот полностью «утопический» проект под вопрос.

Интересно, что базовое экологическое понятие потенциальной ёмкости принимается в отношении коров или слонов всеми, за исключением наиболее тупоголовых владельцев ранчо или прекрасодушных любителей животных. Но при этом нам претит признавать, что мы, люди, – тоже животные и что вопрос потенциальной ёмкости поэтому затрагивает нас самым реальным образом. Моё повторное заявление о реальности экологического дефицита может стать самой еретической вещью, которую мне придётся сказать. Действительно, это, может быть, главный водораздел между моими взглядами и взглядами большинства моих критиков слева (и справа). Любые предположения такого рода немедленно относят к мальтузианству и отвергают как давно дискредитированную псевдонаучную болтовню в лучшем случае и расистскую империалистическую пропаганду – в худшем.

Томас Мальтус, конечно, является удобной целью для нападок. Его зловещие прогнозы об экономическом крахе и мировом голоде, сделанные в начале XIX века, не осуществились так, как было предсказано. Его аргумент, сводившийся к тому, что народонаселение возрастает в геометрической прогрессии, тогда как производство продовольствия может расти только в арифметической прогрессии, также был упрощённым. К его чести, Мальтус, однако, оказался прав в своём основном положении, что человеческие общества существуют в определённом экологическом контексте, представляющем для них естественные пределы, к которым люди должны приспособиться, иначе их постигнет социальная или экологическая катастрофа. Природа нашей экосистемы предоставляет много возможностей для человеческого вида, но она также ставит перед человеческими обществами серьёзные биологические ограничения, которые не зависят от нашего собственного выбора и которые лишь временно могут быть проигнорированы.

К сожалению, отрицание этой экологической реальности позволяет беспрепятственно развиваться тем самым социальным тенденциям, которые подталкивают наше общество к катастрофическому превышению потенциальной ёмкости Земли. Такое страусиное невежество, вероятнее всего, приведёт нас, наряду с другими социальными факторами, в адское будущее, чреватое голодом, эпидемиями, развалом экономики, опустошительной войной, геноцидом и тоталитаризмом. В той степени, в какой движение за социальную справедливость игнорирует вопрос нашего выхода за пределы потенциальной ёмкости Земли, оно неосмотрительно увеличивает вероятность такого будущего для всех нас.

Действительно, Мальтуса можно считать оптимистом по стандартам конца XX века, поскольку он сосредоточился только на тех ограничениях роста народонаселения и экономического развития, которые установлены имеющимися запасами продовольствия. Осведомлённый в вопросах экологии политолог Уильям Офулс отмечает:

“ «Вместо простой мальтузианской перенаселённости и голода мы теперь должны также беспокоиться о нехватке огромного множества энергетических и минеральных ресурсов, необходимых, чтобы поддерживать работу машин промышленного производства, о загрязнении и других предельно допустимых отклонениях в природных системах, о таких физических ограничениях, как законы термодинамики, о сложных проблемах планирования и управления и о массе других факторов, которые Мальтусу никогда и не снились»⁷⁵.

Я настойчиво рекомендую, чтобы каждый экологический и социальный активист прочёл работу Уильяма Кэттона «Перехлест: Экологическая основа революционных изменений» и как следует разобрался в ней. В книге Кэттона содержится лучшее и наиболее содержательное из когда-либо опубликованных обсуждение влияния экологической ёмкости на человеческие общества. Он повторяет вынесенный Мальтусом вердикт, излагая его в терминах экологии: «Биотический потенциал любого вида превышает ёмкость его местообитания»⁷⁶. Люди рассматриваются здесь так же, как слоны или лемминги. Эта книга может полностью изменить ваши представления о мире. Я согласен с учёным индейского происхождения Вайном Делорией-младшим, который в аннотации на задней обложке книги Кэттона описывает её как «одну из важнейших книг, которые я прочитал за всю свою жизнь».

Однако математическая оценка Кэттоном того, как можно жить, не нарушая границ потенциальной ёмкости биосферы, сама по себе недостаточна. Есть несколько возможных моделей поведения, которые не выходят за пределы потенциальной ёмкости Земли. Некоторые из этих моделей нравственны и благотворны для всего общества, другие нет. С трудом поддерживающий баланс «ресурсофашизм» – это не просто умозрительная возможность для будущего. Он вполне может быть выбран как путь наименьшего сопротивления. Поэтому мы нуждаемся в прочном этическом основании, чтобы решить, над созданием какого рода экологически устойчивого общества нам следует работать. Мы, в конечном счёте, должны уяснить для себя не только те ограничения, которые налагает на наше поведение экологическая ёмкость. Нам также нужно изучить этические ограничения,

которые мы должны принять, говоря словами Олдо Леопольда, в отношении нашей «свободы действий в борьбе за существование»⁷⁷.

Либертарный левый может высказывать хорошие идеи по поводу этических ограничений нашего поведения, когда речь идёт об отношениях между членами человеческого общества. Гуманистическая социальная этика вырабатывает видение общества, где присутствуют равноправие, демократия и уважение ко всем его членам. Я лично готов подписаться под большинством пунктов этой этической программы – пока дело касается общества. Однако этого отнюдь не достаточно. К сожалению, подавляющее большинство левых, даже экологически ориентированных, почти ничего не могут сказать по поводу экологической этики, если выходят за рамки антропоцентрической по большому счёту задачи – обеспечить для всех людей устойчивую, нетоксичную и эстетически приятную окружающую среду.

По моему мнению, этот левый антропоцентризм представляет собой огромный изъян в моральных представлениях и в конечном счёте приведёт, в случае своего успеха, к миру, где Большое природное пространство и значительная степень биоразнообразия будут безвозвратно утрачены. Всё во мне восстаёт против такого чёрствого, нравственно ущербного взгляда. Я верю, что медведица гризли, сопящая возле ручья Пеликан-Крик в Йеллоустонском национальном парке вместе с двумя её детёнышами, имеет такое же естественное право на свою жизнь, как и любой человек – на свою. У всего живого есть своя внутренняя ценность, своё изначальное значение. Ценность живых существ не определяется ни тем, как они прозвучат в кассовом аппарате ВВП, ни тем, доставляют ли они эстетическое удовольствие людям. Они просто есть. Они те же самые три с половиной миллиарда лет путешествовали по линии эволюционного развития, что лежит за нашими плечами. Они живут сами по себе, ради самих себя, независимо от какой-либо действительной или предполагаемой ценности для человеческой цивилизации. К ним никогда нельзя относиться как к простым средствам для осуществления наших целей, поскольку они, как и мы, несут свою цель в самих себе.

Если бы мне нужно было предложить только одну книгу по экологической этике, которую должны прочитать люди, это был бы «Календарь песчаного графства» Олдо Леопольда. Этот автор, возможно, размышлял о природе и нашем отношении к ней более напряжённо, чем кто-либо ещё в Америке XX века. Директор национального леса, охотовед, пионер-эколог и университетский профессор, Леопольд всегда был на переднем крае борьбы за охрану природы. Его посмертно изданный «Календарь» занимает место среди самых замечательных рассуждений на тему экологической этики, написанных за всю историю. Одним словом, на мой личный вкус, это самая важная, прекрасная, мудрая книга из тех, что когда-либо выходили из-под пера человека. Он превратил тысячи людей в еретиков, и, откровенно говоря, времена призывают нас принять щедрую дозу радикальной экологической ереси.

Я полагаю, что внутренняя ценность, свойственная всем живым существам, требует от нас проявить открытую нравственную озабоченность тем, как мы организуем наше общество. Я полностью отвергаю антропоцентризм и утверждаю, что помимо наших социальных обязательств мы должны также чтить наш прямой моральный долг перед более широким экологическим сообществом, которому мы принадлежим. На нас лежит моральная

обязанность сохранять дикую природу и биоразнообразие, развивать уважительные и симбиотические отношения с той частью биосферы, которую мы непосредственно населяем, и не причинять ненужного ущерба нечеловеческой жизни. Далее, я полагаю, что эти моральные обязательства часто имеют преимущество перед собственными интересами человечества. Человеческое благосостояние жизненно важно для меня, но это не высшая этическая ценность. Я согласен с Олдо Леопольдом, что в конечном счёте «правильно то, что позволяет повышать целостность, прочность и красоту биотического сообщества»⁷⁸. Социальная этика, которая хочет обрести экологическую основу, должна быть согласующейся с этим общим экологическим моральным императивом. Вот почему Земля для меня прежде всего.

Такое экологическое сознание, конечно, радикальное, но оно отнюдь не новое. Оно было, в той или иной форме, общей чертой мировоззрения большинства первобытных народов на протяжении всей истории. Однако среди граждан промышленно развитых стран оно только начало получать сколько-нибудь значительное распространение. Для многих это – шокирующий разрыв с тем, во что их приучили верить с детства. Сейчас вся область экологической этики охвачена бурлением, поскольку всё больше людей пытается наполнить почти интуитивную неантропоцентрическую ориентацию содержанием и превратить её в хорошо аргументированную, пригодную этику, которая руководила бы взаимодействием человека с остальной частью природного мира.

Я именую свои предварительные наработки биоцентризмом, другие, как, например, Уорик Фокс, описывают свой подход как эоцентризм. Мюррей Букчин характеризует свою позицию как «этика комплементарности». Конечно, между этими разными неантропоцентрическими перспективами есть много пересечений. Есть также некоторые серьёзные разногласия по поводу того, в чём заключаются нравственно приемлемые отношения между человечеством и остальной частью мира, и эти разногласия заслуживают дальнейшего обсуждения. Действительно, существенные различия наблюдаются даже среди тех, кто называют себя биоцентристами. Скажем, философ Пол Тейлор написал подробное исследование на тему биоцентрического видения природы, но, хотя я ценю его усилия, его подход по большей части вызывает у меня возражения⁷⁹. Биоцентризм едва ли можно назвать монолитной точкой зрения. Ясно, что поиск земной мудрости только начался для большинства из нас.

Арне Несс отмечал, что в глубинной, рассчитанной на дальнейшее действие экологии есть три весьма различных тенденции: «натуралисты», «спиритуалисты» и «социалисты»⁸⁰. Я по своему темпераменту «натуралист». Моя первоочередная забота – это консервационная биология и защита дикой природы. Однако в политических вопросах я с течением времени стал всё больше ценить «социалистов», которые фокусируются в первую очередь на фундаментальном переустройстве человеческого общества, устраняющем социальную и экологическую иерархию. Такой подход, конечно, необходим, чтобы преодолеть всеобъемлющий экологический кризис, который сотрясает нашу планету. В свои лучшие дни я стремлюсь творчески синтезировать все эти подходы в целостную и последовательную концепцию, которая сможет направлять наше движение, даже если радикальные экологические активисты продолжают специализироваться каждый в своей особой области интересов. Именно поэтому я горжусь своим участием в этом диалоге с Мюрреем Букчиным,

одним из пионеров социальной экологии.

Мои страхи, однако, сводятся к тому, что этот синтез в итоге не сможет прижиться, что одна из этих трёх тенденций просто получит преобладание и жизненно важный вклад других точек зрения будет сведён к минимуму или утерян. Это беспокоит меня, потому что, я убеждён, это ослабило бы движение в целом даже больше, чем наше нынешнее деление на фракции, при котором все подходы, несмотря на свою ограниченность, по крайней мере живут и здравствуют. Поэтому я считаю, что для последователей любой из этих тенденций самой ответственной позицией будет предполагать, что их подход одновременно обоснован и ограничен.

Мы должны быть открытыми для критики других, чтобы отточить нашу собственную точку зрения. Мы также должны быть готовы помочь другим группам отточить их точку зрения, давая нашу конструктивную критику в проходящих диалогах и дебатах. И мы должны быть терпимыми и вежливыми по отношению к людям, с которыми мы можем расходиться в ходе дискуссии. Как мы можем создать человеческое общество, которое будет терпимо и уважительно относиться к личности, если мы не можем создать движение, в котором мы терпимо и уважительно относимся к людям, несогласным с нами?

В ограниченном подходе социально ориентированной экологии больше всего беспокоит меня то, что он легко может стать излишне социальным и недостаточно экологическим. Я вижу эту тенденцию среди многих социальных экологов, когда они утверждают, что мы должны «работать, чтобы восстановить гармонию между человечеством и природой через восстановление гармонии в социальных отношениях между человеком и человеком»⁸¹. Эта стратегическая аксиома создаёт впечатление, что традиционные социальные проблемы для либертарных левых выходят на первый план перед прямой каждодневной борьбой тех, кто защищает дикую природу, прививает экологическое сознание или собирается изменить взаимодействие нашего общества с миром природы здесь и сейчас. При таком взгляде, по-видимому, подразумевается, что как только социальные отношения между людьми будут полностью налажены, экологическое сознание появится само собой, и тогда произойдут необходимые перемены в отношении нашего общества к природе.

Очевидно, не все социальные экологи находятся во власти иллюзии, будто решение всех наших экологических проблем может подождать, пока не победит либертарная, демократическая социальная революция. Многие, если не большинство, ясно осознают, что мы не можем позволить себе такой роскоши, даже если бы хотели. К его чести, Мюррей открыто и неоднократно указывал на необходимость организации, в неотложном порядке решающей как социальные, так и экологические вопросы. И всё же сам этот социально-экологический лозунг, сформулированный и часто повторяемый многими группами, заставляет предполагать, что у многих социально-ориентированных экологов есть едва различимая тенденция приносить значимость важных (хотя, бесспорно, ограниченных) действий «натуралистов». Более того, я подозреваю, что такие действия представляют собой пережиток с антропоцентрической точки зрения, которая всё ещё распространена среди левых и поборников социальной справедливости.

Как ни странно, похожую тенденцию сегодня можно наблюдать даже внутри «Земля прежде всего!», когда-то бывшей оплотом неантропоцентрических «натуралистов». Я начал чувствовать себя всё неуютнее с притоком в «Земля прежде всего!» новых людей, которые, кажется, больше ориентированы на традиционные представления о социальной и экономической справедливости, чем на радикальную экологию. Похоже, этих новых активистов в первую очередь привлекает то, что организация получает освещение в масс-медиа, а также наша репутация сторонников конфронтационного, дерзкого прямого действия. Откровенно говоря, меня беспокоит, что эта эволюция отражает не процесс творческого синтеза, а неявное, но набирающее силу обесценивание основных идей первых «натуралистов», основавших «Земля прежде всего!».

Прошу заметить, эти различия между «старой» и «новой» гвардией в «Земля прежде всего!», всё же, по большей части, остаются искренними разногласиями порядочных людей, уважающих друг друга. Несмотря на всё, я чувствую, что новое воплощение «Земля прежде всего!» по-прежнему будет выполнять большую и жизненно важную работу. И всё же, учитывая мои взгляды бескомпромиссного, влюблённого в дикую природу «натуралиста», я ощущаю потребность работать в новой организации, которая будет твёрдо придерживаться идеи биоцентризма и всецело сосредоточится на выявлении, сохранении и восстановлении дикой природы. По этой причине я покинул «Земля прежде всего!» и вместе с другими начал рассматривать возможность создания такой организации. Надеюсь, эта новая организация дополнит работу многочисленных и разнообразных консервационистских групп и одновременно продолжит озвучивать чёткую позицию «натуралистов» в более широком радикально-экологическом движении, поскольку все мы трудимся вместе, чтобы прийти к общей, целостной перспективе, которая позволит преодолеть ограниченность каждой отдельной радикально-экологической тенденции, сохранив при этом её теоретические достижения.

Глава 6. Мюррей Букчин.

За что я выступаю сейчас

Прошёл год с тех пор, как Дейв Формен и я обсуждали проблемы и будущее экологического движения в большой нью-йоркской аудитории – вместе с Полом Макайзеком, Линдой Давидофф и Джимом Хотонем. За прошедший год у меня не было причин менять какое-либо из мнений, высказанных мною тогда. Дейв до сих пор находится под обвинением, которое, как я убеждён, сфабриковано ФБР для того, чтобы организовать травлю радикального экологического движения. Он может рассчитывать на мою самую горячую поддержку, когда пытается отстоять свои гражданские права – и не допустить, чтобы обвинение в «терроризме» опорочило природоохранное движение в интересах правительства и корпораций. Хочу сказать, что в ходе нашего диалога я проникся уважением к Дейву как экологическому активисту и человеку. Благодаря этому обсуждению Дейв и я смогли найти некоторые точки соприкосновения.

Однако между нами всё ещё остаются важные политические разногласия, что с готовностью признаёт и сам Дейв. К примеру, в прошлом году можно было видеть, что группы «Земля прежде всего!» в северной Калифорнии, а с ними, возможно, и другие, повернули в сторону социального активизма и приняли программу, которая стоит гораздо ближе к социальной экологии, чем к глубинной, даже с недавними поправками Дейва. Как отмечает Джуди Бари, организатор Лета секвойи, «Земля прежде всего!» теперь «не просто консервационистское движение, это также движение за изменения в обществе»⁸². Я приветствую общее направление этого идейного сдвига. Дейв, однако, после этого оставил движение «Земля прежде всего!», чтобы положить начало новой организации, преследующей более узкую цель сохранения дикой природы. Здесь и лежат наши политические разногласия.

Движение «Земля прежде всего!», которым я восхищался с самого его зарождения, вызывает у меня сожаление, поскольку очень многие его активисты не желают открыто признать, что идеологический сдвиг фактически уже произошёл. Дебаты между глубинной и социальной экологией так сильно настроили многих честных людей против социальной экологии, что возникло определённое моральное давление, обязывающее их называть себя «глубинными экологами» и критиковать «левизну» и «социальную экологию», даже когда они в действительности ведут себя как социальные экологи и некоторые из них имеют отчётливо левую окраску. Даже Джуди Бари, с её давней репутацией профсоюзного организатора ИРМ, отрицала свою принадлежность к «левым» и доказывала, что ни одна «левая теория» никогда не говорила о необходимости создания экологического общества⁸³. Она также продолжает искажать мои взгляды. Я был потрясён, прочитав недавно её безосновательное утверждение, будто я убеждённый антропоцентрист и верю, что «люди являются высшей формой жизни»⁸⁴.

Эта непрекращающаяся враждебность в отношении социальной экологии ставит вопрос: что лежит в основе диспута между глубинной экологией и социальной экологией? Позвольте мне для начала устранить чудовищное недоразумение, которое мешает ясному пониманию этого спора. Один друг говорил мне, что многие люди воспринимают всю дискуссию от начала до конца как личный спор, как своего рода «самоутверждение» или «нападки» с моей стороны. Но это просто не тот случай.

Я был в очень хороших личных отношениях с Биллом Диволлом и многими другими видными глубинными экологами до 1987 г., несмотря на моё беспокойство по поводу подтекста их высказываний. В 1986 г. я даже получил от Диволла душевное поздравление, где говорилось: «С зимним солнцестоянием! Я надеюсь, что мы сможем продолжить наш разговор, и чувствую, что мне есть чему у вас поучиться». В книге Диволла и Сешенса «Глубинная экология» были только одобрительные отзывы о моей работе «Экология свободы». Вплоть до 1987 г. у меня просто не было причин для личной неприязни по отношению к кому-либо из известных мыслителей или активистов глубинной экологии.

И, я думаю, было довольно мелочно со стороны глубинного эколога Кристофера Мейнса высказывать в своей недавней книге «Ярость зелёных» предположение, будто я критиковал глубинных экологов потому, что в некотором смысле испытывал личную зависть к их способности «входить в жизни людей», в то время как «социальная экология добилась успехов только в наведении чистоты в залах Института социальной экологии»⁸⁵. Дожив до семидесяти лет, я уже не имею ни энергии, ни времени, чтобы завидовать чему-либо у кого-либо – и меньше всего чьему-либо успеху в экологическом движении. Работа моей собственной жизни в основном закончена, и я чувствую разумное удовлетворение ею.

Моё беспокойство по поводу растущей популярности глубинной экологии политическое, а не личное. В противоположность Биллу Диволлу, утверждающему, что глубинная экология набирает силу как боевая антиэлитаристская идеология, я считаю, что на самом деле она в наши дни стала очень трендовой и эффективной. Она приняла в свою паству не только большое число благополучных академических учёных, но и многих журналистов и даже особ королевской крови, таких как принц Филипп Английский, и прочих важных персон в элитных «экологических» организациях. Мой вопрос таков: эти новообращённые приверженцы глубинной экологии стали радикальными социальными критиками или же глубинная экология благоприятствует их консервативным, иногда даже реакционным социальным воззрениям?

Какими бы достоинствами ни обладала глубинная экология, правда в том, что она, больше, чем любая другая «радикальная» экологическая теория, обвиняет в экологическом кризисе «Человечество» как таковое – в особенности рядовых «потребителей» и тех, кто «разводит детей», – и в значительной степени игнорирует интересы корпораций, которые действительно направлены на разграбление планеты. Этот социально нейтральный аспект глубинной экологии представляется весьма приятным для власть имущих. Я думаю, это основная причина того, что из всех возможных «радикальных» школ экологической мысли именно глубинная экология удостоивается внимания в популярных журналах, в газетах, на телевидении и в других медиа. Если даже такой выдающийся автор и социально ориентированный глубинный эколог, как Гэри Снайдер, может писать: «Человечество стало

подобно саранче, пожирающей планету», – то мне остаётся только недоумевать, что же такого «радикального» в глубинной экологии⁸⁶. Может ли кто-то присоединиться к этой толпе и при этом продолжать с гордостью именовать себя «радикальным экологом»?

Поэтому, пожалуйста, давайте отбросим личности в сторону и не будем отходить от политики, которая действительно затрагивается в этой дискуссии. Никто не должен забывать: строго политическим является тот факт, что поздний Эд Эбби, столь почитаемый многими из тех, кто относит себя к глубинным экологам, описывал «традиции и идеалы» Соединённых Штатов как «продукт североевропейской цивилизации» и призывал нас не позволять, чтобы «наша» страна была «латинизирована»⁸⁷. Строго политическим является тот факт, что он описывал испаноязычных иммигрантов как «голодных, невежественных, неквалифицированных и в культурно-морально-общем смысле ущербных людей»⁸⁸. Строго политическим является тот факт, что «мисс Энн Тропия» (за именем которой, как пояснили мне знающие «земляне», скрывается Кристофер Мейнс) приветствовала эпидемию СПИДа как «необходимое решение» «проблемы народонаселения» (великодушно присоединяя к этой эпидемии «войну, голод и невыносимую бедность») и писала: «Перефразируя Вольтера, если бы эпидемии СПИДа не существовало, радикальные энвайронменталисты должны были бы изобрести её»⁸⁹. И также строго политическим является тот факт, что сам Дейв заявил в своём интервью Биллу Диволлу для «Простой жизни», о котором он теперь сожалеет, что «худшее, что мы могли сделать в Эфиопии, – это предоставить помощь; лучше всего было бы просто позволить природе найти свой собственный баланс, просто дать людям там умирать от голода»⁹⁰.

Я мог бы до бесконечности приводить такие высказывания и примеры нездорового морального климата, созданного ими. Но я уверен, что люди уже сыты ими по горло – во всяком случае, я сыт. Я снова поднимаю эту тему, просто чтобы напомнить людям о той атмосфере, которая заставила меня критиковать глубинную экологию в 1987 г. Это слишком часто игнорируется. Даже такой респектабельный академический глубинный эколог, как Уорик Фокс, упорно повторяет мои резкие выпады 1987-го и выдёргивает цитаты из моей оригинальной статьи «Социальная экология против глубинной экологии», не давая читателям даже намёка на те грубые человеконенавистнические заявления, которые в первую очередь и вызвали у меня гнев⁹¹.

С сожалением должен сказать, что этот подход оставляет у меня серьёзные сомнения по поводу добропорядочности многих моих глубинно-экологических критиков. Это беспокойство ещё больше усиливается тем фактом, что после того, как я дал резкий ответ на эти ужасные заявления, прошёл почти год, прежде чем глубинные экологи из академических кругов начали (часто в очень мягкой форме) высказывать возражения против тех мизантропических замечаний, которые я атаковал. И даже тогда эти возражения были выражены в довольно двусмысленной манере, и на меня часто выливали поток оскорблений, вместо того чтобы, как предполагалось, давать критический комментарий на возмущавшие меня заявления, сделанные глубинными экологами. В самом деле, многие мои глубинно-экологические критики на протяжении последних нескольких лет систематически искажали мои взгляды, представляя их как «антропоцентристские», изображали меня врагом дикой природы и даже, в случае Диволла, травили меня как главу «анархо-левацко-марксистского» заговора, планирующего «нападение» на радикальное экологическое

движение92.

Думаю, не стоит удивляться тому, что подобные фальсификации были широко растиражированы близкими к правящей верхушке медиагигантами, такими как газета «Нью-Йорк Таймс», безосновательно утверждавшая, что я назвал участников «Земля прежде всего!» фашистами. (Впоследствии я написал в «Таймс» короткое письмо, где категорически отрицал эти измышления и выражал свою поддержку Дейву, борющемуся за свои гражданские права перед лицом преследований со стороны ФБР.) Однако больше беспокоит меня то, что очень многие мои критики из числа глубинных экологов сами выдвинули абсурдную идею, будто я выступаю против задач по сохранению дикой природы, поставленных «Земля прежде всего!», или считаю активистов «Земля прежде всего!» «экофашистами». Дейв стал одним из немногих глубинных экологов, которые привлекли меня своим принципиальным и уважительным отношением. Я признателен ему за его открытость и честность.

Однако вопросы, которые, как я думаю, по-настоящему должны волновать нас, следующие. Те мизантропические взгляды, которые были озвучены наиболее бесцеремонными и, по-видимому, крайними глубинными экологами, – это просто нелепая случайность? Они объясняются исключительно личными наклонностями или же их корни лежат в самой идеологии глубинной экологии? Если оставить в стороне бури и страсти первых дебатов, именно эти вопросы должны представлять для нас реальный интерес.

В ходе этого диалога стало ясно, что Дейв Формен отступил от пропасти крайних репрессивных мер, куда толкали нас голоса, раздававшиеся из рядов глубинно-экологического движения. И всё-таки, если «биоцентрический» принцип глубинной экологии учит, что люди ничем не отличаются от леммингов в смысле их «внутренней ценности» и тех моральных обязательств, которые мы несём перед ними, и если считается, что люди подвержены действию «естественных законов» точно так же, как и любые другие виды, то тогда эти «крайние» заявления в действительности являются логическим выводом из глубинно-экологической философии.

Некоторые глубинные экологи, такие как Уорик Фокс, довольно резко осудили прежние взгляды Дейва на голод в Эфиопии. И всё же тот, кто является последовательным «биоцентристом», легко может прийти к убеждению, что эфиопских детей нужно оставить голодать точно так же, как будет голодать любой вид животных, израсходовавший свои пищевые ресурсы. И так же можно легко прийти к убеждению, что СПИД – это «месть природы» за «чрезмерный» рост населения, экологический ущерб и тому подобное. В соответствии с «естественным законом», если пищевые ресурсы леммингов увеличиваются, их популяция будет естественным образом возрастать до такой степени, что они окажутся подвержены угрозе вымирания. По аналогии, рассуждая с «биоцентрических» позиций, если имеется излишек доступного людям продовольствия, популяция людей автоматически начнёт раздуваться и достигнет такой численности, которая в конечном итоге поставит их под угрозу вымирания, сделав их воздействие на среду настолько разрушительным, что она больше не сможет их выдерживать.

Именно такой ход мыслей первоначально побудил Дейва говорить о том, чтобы позволить «природе найти свой собственный баланс», просто дав «людям [в Эфиопии] умирать от голода». Когда кто-то ограничивает себя «биоцентризмом» в качестве основного источника экологической мудрости, это должно представляться ему «естественной» точкой зрения. Поэтому не стоит удивляться тому, что Билл Диволл не увидел ничего плохого в заключениях Дейва по поводу эфиопских детей ни вначале, когда он брал интервью для «Простой жизни», ни впоследствии, когда я так некстати полез в драку, – или что такие заявления лишь слегка критиковались, если критиковались вообще, Арне Нессом, Джорджем Сешенсом и другими ведущими представителями глубинной экологии. Такое отношение является просто-напросто логическим продолжением биоцентризма.

Но в этом-то и загвоздка: действительно ли люди всего лишь биологические существа? Действительно ли они подвержены в точности таким же колебаниям популяции, какие мы наблюдаем в животном и растительном мире? Я, разумеется, не хочу отрицать, что, при строго локализованной региональной экономике, плохая погода, нашествия вредителей и экологически необоснованные методы хозяйствования могут привести к смерти бесчисленного множества людей. Но люди, в большей степени, чем любой другой вид животных, с которым я знаком, ведут насыщенную культурную жизнь. Возникнув в результате длительного процесса эволюционного развития, когда они часто подвергались действию «естественных законов» той эволюционной фазы, которую мы называем «первой природой», люди создали свою собственную линию культурной и социальной эволюции. Эта эволюция основана на высоко институционализированных обществах, которые я назвал «второй природой».

Существование второй природы не означает, что люди меньше похожи на животных или менее «естественны», чем лемминги. Но в дополнение к их телам приматов и, возможно, врождённым общественным наклонностям существует крайне сложная сеть культурных связей, включающая экономические отношения, символические формы коммуникации, иерархии, классы, системы господства и эксплуатации, политические институты, города, технологии и гендерные роли, которые в значительной степени определяют рост их популяции и общее воздействие на окружающую среду.

Принимая во внимание все ужасы, творившиеся на протяжении человеческой истории, мы не можем игнорировать тот непреложный факт, что люди – как таковые представляющие собой продукт естественной эволюции – больше не являются простыми субъектами «естественных законов». Люди могут играть чудовищную разрушительную роль по отношению к другим формам жизни – но справедливо и то, что они могут играть осмысленную созидательную роль. Это не предопределено «естественным законом». Точно так же люди могут разрушительным или созидательным образом влиять на свои собственные экономические отношения, способы общения, политические институты, города и технологии. Они могут создать экологическое общество, но им несложно и прервать своё собственное существование на этой планете.

Этот добавочный «культурный» ансамбль заметно отличает людей от животных с точки зрения их образа жизни и воздействия на природу. К примеру, в отличие от леммингов, люди могут перераспределять свои запасы продовольствия или накапливать свои ресурсы

для привилегированного меньшинства, отказывая в них угнетаемому большинству. Они также могут устанавливать кодексы полового поведения, которые определяют темпы роста населения, или изменять социальные условия, которые побуждают людей заводить многих детей. Так или иначе, эта совершенно новая линия социальной эволюции – вторая природа – оказала огромное, всеохватывающее влияние на всю биологическую эволюцию, в том числе и непосредственно на первую природу.

Поскольку действительность такова, мы не можем просто отбрасывать человеческое социальное развитие в принципе, вызывая образы «возвращения» в дикий плейстоцен или благодатный неолит. Вместо этого мы должны честно спросить себя: как мы можем включить человеческое социальное развитие в нашу экологическую картину? Должны ли мы отделять наши экологические проблемы от социальных? Должны ли мы воспринимать колебания человеческой популяций как простые проявления «естественного закона»? Должны ли мы игнорировать человеческие страдания и тем самым бессознательно притуплять нашу чувствительность к страданиям нечеловеческих существ?

Я, конечно, не утверждаю, что все глубинные экологи придерживаются взглядов, которые я здесь изложил. Дейв, бесспорно, внёс весьма существенные изменения в некоторые свои взгляды. Более того, некоторые глубинные экологи даже говорят нам, что они не менее социально сознательны, чем социальные экологи. Но всё же это остаётся редкостью, и когда вы спрашиваете их, как их социальная сознательность связана с экологическими проблемами, они, как правило, не могут сказать ничего определённого. Похоже, одна из самых больших бед глубинной экологии в том, что её академические приверженцы, так мало знающие о социальной теории (несмотря на то, что многие из них – учёные социологи), создали представление о «биоцентричности», где человеческое развитие играет вторичную роль, если вообще играет, по отношению к естественному развитию; где рост населения рассматривается исключительно в таком свете, как если бы это была биологическая проблема; и где страдания других живых существ ставятся в один ряд с человеческим страданием, которое описывается почти одними зоологическими терминами.

Основываясь на моей убеждённости в том, что «биоцентризм» ошибочен в своих концептуальных корнях, мои глубинно-экологические критики обычно расценивают меня как «антропоцентриста». Но изложенная мной точка зрения вовсе не принижает борьбу за сохранение и даже расширение ареалов дикой природы, или борьбу в защиту лесов от лесозаготовительных компаний и застройщиков, или борьбу за сохранение и увеличение естественного разнообразия. Я выступал в поддержку такой позиции многие годы. В самом деле, будет возмутительной клеветой даже предполагать, что я не поддерживаю борьбу «Земля прежде всего!» и её активистов.

Поэтому я должен спросить тех, кто отвергает меня как «антропоцентриста»: почему меня принуждают выбирать между «биоцентризмом» и «антропоцентризмом»? Я никогда не верил в то, что Земля была «создана» для эксплуатации её человеком. Фактически, как убеждённый секулярист, я никогда не верил то, что она вообще была «создана». Я также не верю в то, что люди должны «господствовать» над природой – и принципиальная невозможность этого является ключевой идеей в социальной экологии. А если учесть, что я с давних пор очарован чудесами естественной эволюции и, разумеется, дикой природой, то

какая мне нужна до «биоцентризма», который отвлекает меня от социальных корней экологического кризиса? Я верю, что нечеловеческая и человеческая природа так же неразрывно связаны друг с другом, как желудочки сердца связаны с предсердиями; что и человеческая, и нечеловеческая природа заслуживают нравственного отношения. «Антропоцентризм», основанный на религиозном принципе, по которому Земля была «сотворена», чтобы пребывать во власти «Человечества», так же далёк от моих взглядов, как и «биоцентризм», превращающий человеческое общество просто в очередное сообщество животных. Думаю, мы нуждаемся в гораздо лучшем мировоззрении. Останутся ли где-нибудь девственные местности и дикие животные спустя сто лет или около того, зависит прежде всего от того, какого рода общество у нас будет, – а не от того, читаем ли мы человеческим особям лекции об их недостатках, называем их «раком» или чем-то ещё худшим для планеты или превозносим достоинства плейстоцена или неолита. Это будет зависеть не только от нашего обращения с нечеловеческой жизнью, но и от того, до какой степени мы допускаем многочисленные несправедливости в нашей общественной жизни, которые заставляют крестьян вырубать леса, чтобы выжить, и которые разрушают их традиционный образ жизни товарными отношениями.

Ещё более основательный вопрос – а нам лучше взяться за основы, если мы хотим быть «радикальными» в действительном смысле слова, – останутся ли девственные местности и дикие животные спустя сто лет или около того, зависит от того, будем ли мы сохранять экономику «расти или умри» (будь то рыночный корпоративный капитализм или бюрократический государственный капитализм), где фирма или страна, которая не растёт экономически, пожирается своими конкурентами на внутреннем рынке или на международной арене. До тех пор, пока люди не смогут реализовать свой эволюционный потенциал как творческие и экологические сознательные существа, антагонизмы, порождённые социальным угнетением во всех его формах, будут буквально раздирать нашу планету на части – с одинаково плачевными последствиями для людей и нечеловеческих форм жизни.

Обвинять в этом ужасном искажении второй природы технологию как таковую; относиться к росту народонаселения так, будто он в глубине своей не подвержен влиянию культурных факторов; сводить основные социальные факторы, породившие нынешний экологический кризис, к факторам по большей части или даже полностью биологическим – значит лишь отвлекать наше внимание от того факта, что наши экологические неурядицы берут своё начало в неурядицах социальных. Само представление о «господстве над природой» вытекает из господства человека над человеком в иерархии, которая подчинила молодёжь геронтократии, женщин патриархату, рядовых членов племени вождю, рабочих капиталистическим или бюрократическим системам эксплуатации и т.д.

Учитывая это, мы нуждаемся в глубоких культурных изменениях и новом сознании, которое научит нас уважать другие формы жизни; которое изменит критерии ценности в производстве и потреблении товаров; которое даст начало новым технологиям, поддерживающим жизнь, а не разрушающим её; которое устранил конфликты между человеческой популяцией и окружающим миром; которое будет способствовать естественному разнообразию и эволюционному развитию. Я писал о необходимости всего этого на сотнях страниц в своих книгах и статьях. Но может ли кто-то всерьёз думать, что

эти культурные изменения могут быть осуществлены в обществе, которое противопоставляет людей друг другу, как покупателей и продавцов, эксплуатируемых и эксплуататоров, угнетённых и угнетателей, на всех уровнях жизни?

Отворачиваться от этих ключевых социальных вопросов ради «биоцентризма», который в лучшем случае игнорирует их, в худшем же обвиняет неопределённое «Человечество» в проблемах, порождённых прогнившей общественной системой, – значит заводить экологическое движение в идейный тупик. Мы не нуждаемся ни в «биоцентризме», ни в «антропоцентризме», ни, если на то пошло, в любом другом «центризме» или идеологии, которая отвлекает внимание публики от социальных корней экологического кризиса.

Рискуя показаться навязчивым, я хочу подчеркнуть: тот факт, что глубинная экология ограничивала и временами искажала понимание социальной действительности, объясняет, почему ни одна другая «радикальная» экологическая философия не могла бы стать ближе по духу правящей элите нашего времени. Здесь мы видим мировоззрение, которое обвиняет в экологическом кризисе наши «ценности», не углубляясь в социальные истоки этих ценностей. Оно осуждает рост человеческой популяции, не объясняя, почему бедное и угнетаемое население растёт с такой огромной скоростью или какие общественные изменения могли бы гуманным способом стабилизировать народонаселение. Оно обвиняет технологию, не спрашивая, кто развивает её и для какой цели. Оно осуждает потребителей, не обращая внимания на экономику «расти или умри», которая использует свой раздутый медийный аппарат, чтобы навязать людям потребление в качестве чудовищной замены полноценной культурной и духовной жизни.

Если мы окажемся не в состоянии изучить эти вопросы, дать им последовательное объяснение и чётко в них ориентироваться, то мы обойдём стороной основные проблемы, встающие сегодня перед экологически сознательными людьми. Это равнозначно отделению экологического движения от борьбы женщин за полное равенство полов, цветных людей за расовое равенство, бедных за экономическое равенство, субкультур наподобие геев и лесбиянок за социальное равенство и всех угнетённых за человеческое равенство. Характерно, что литература, производимая на свет большинством глубинных экологов, уделяет мало – либо вообще никакого – внимания отравлению свинцом жителей гетто. Они редко пишут, если пишут вообще, о загрязнении на рабочих местах и о специфических экологических угрозах, которым подвергаются женщины, этнические меньшинства и городские жители. При том что благоговейное отношение «Земля прежде всего!» к дикой природе достойно похвалы, неспособность глубинной экологии привить своим последователям радикальную социальную ориентацию часто приводит к тому, что последние остаются обыкновенными приверженцами культа природы. Кроме того, своими совершенно неуместными нападками на «Человечество» глубинная экология отчуждает себя от многих сочувствующих активистов, которые могут так же сильно почитать дикую природу, как и глубинные экологи, но которые не желают заигрывать с мизантропией и самоненавистничеством.

Недостаток места не позволяет мне перечислять все причины, по которым я считаю, что глубинная экология ещё недостаточно «глубока». Но я должен подчеркнуть, социальная экология не является ни «биоцентрической», ни «антропоцентрической». Она скорее

натуралистическая. Благодаря этой натуралистической ориентации социальная экология не меньше, чем «биоцентристы», интересуется такими проблемами, как защита девственных областей и диких видов. Как путешественник, эколог и прежде всего натуралист, который искренне верит в свободу, я могу с такой же страстью, как и любой глубинный эколог, говорить о тропах, по которым я ходил, о панорамах, которые передо мной открывались, о парящих ястребах, за которыми часами наблюдал с утёсов и горных вершин. Но социальная экология является натуралистической и в том весьма важном смысле, что она прослеживает корни человечества и общества, глубоко уходящие в естественную эволюцию. Отсюда использование мной термина «вторая природа», подчёркивающего, что человеческая общественная жизнь развилась из природного мира.

Этот второй аспект натуралистического подхода социальной экологии бросает вызов не только мизантропии; он также бросает вызов традиционной социальной теории. Философия социальной экологии говорит, что невозможно полностью разделить – не говоря о том, чтобы противопоставить, – человеческую и нечеловеческую эволюцию. Как натуралисты, мы признаём тот факт, что люди эволюционировали из первой, или нечеловеческой, природы как млекопитающие и приматы, чтобы создать для себя новый удел, складывающийся из переменчивых институтов, технологий, ценностей, форм общения. Социальная экология признаёт, что мы – одновременно биологические и социальные существа. Не останавливаясь на этом, социальная экология идёт дальше и тщательно анализирует историю общества, которая противопоставила человечество не только самому себе, но и, что более значимо, всей нечеловеческой природе.

Как я уже не раз говорил, происходившие в течение столетий социальные конфликты способствовали развитию иерархий и классов, основанных на доминировании, при котором подавляющее большинство людей эксплуатировалось так же безжалостно, как и сама природа. Социальная экология внимательно рассматривает эту историю общества и открывает, что сама идея господства над природой вырастает из господства человека над человеком. Эта иерархическая ментальность и система, проявлявшаяся в социальном доминировании над людьми – в частности над младшими, женщинами, цветными, а также над основной массой мужчин как рабочих и подданных – была распространена на царство природы. Поэтому, в отличие от большинства глубинных экологов, социальные экологи понимают, что, пока мы не предпримем усилий по освобождению людей от доминирования и иерархии – а не только от экономической эксплуатации и классового гнёта, как утверждали бы ортодоксальные социалисты, – наши шансы на спасение девственных мест планеты и дикой жизни останутся в лучшем случае отдалёнными.

Это означает, что у радикального экологического движения должна быть программа того, как избавить людей от угнетения, которое они вынуждены переносить, даже если некоторых из нас в первую очередь беспокоит урон, который это общество наносит дикой природе. Мы не должны упускать из виду тот факт, что проект освобождения человечества теперь стал экологическим проектом, и наоборот, проект защиты Земли стал также социальным проектом. Социальная экология как форма эконоанархизма связывает оба этих проекта воедино, во-первых, с помощью органического образа мыслей, который я называю диалектическим натурализмом; во-вторых, с помощью симбиотической социальной и экологической этики, которую я называю этикой комплементарности; в-третьих, с помощью

новой техники, которую я называю экотехнологией; и, наконец, с помощью новых форм объединения людей, которые я называю экосообществами. Неслучайно я написал работы, посвящённые не только городам, но и экологии; не только утопиям, но и загрязнению; не только новой политике, но и новой технологии; не только новому экологическому сознанию, но и новой экономике. Последовательная экологическая философия должна обратиться ко всем этим вопросам.

К сожалению, многие низовые экологические активисты сегодня неспособны увидеть различие между экоанархизмом и репрессивными, индустриальными кошмарами сталинизма или между натурализмом и «антропоцентризмом». Тем самым они отгораживаются от актуальных и ценных идей, которыми может поделиться экологически ориентированная леволибертарная традиция. Даже Джуди Бари с её левым прошлым, кажется, испытывает сложности в проведении таких важных различий. В открытом письме, направленном Дейву после его ухода из «Земля прежде всего!», она доказывала, что их организация не имеет никакой связи с левым движением, говоря: «Мы слишком непочтительны и у нас слишком хорошее чувство юмора, чтобы нас можно было считать левыми»⁹³. Однако я должен напомнить Бари тот очевидный факт, что юмор и игривость были отличительными чертами либертарных левых на протяжении поколений.

Левые – это не только сталинисты с каменным лицом, маоисты или лишённые воображения либеральные реформаторы. Разве вы не помните «Индустриальных рабочих мира» (ИРМ), этих в основной массе анархо-синдикалистских «уббли», которые подготовили один из самых бесшабашных песенников в истории рабочей борьбы, которые своими выходками приводили в ярость гонителей профсоюзов – и которые привнесли в социальное движение дух озорства, вдохновивший самих участников «Земля прежде всего!», даже если они не осознавали этого? Разве вы не помните анархических новых левых Парижа в мае – июне 1968 г., которые изрисовали весь город чудесными лозунгами вроде «Вся власть воображению!», «Будьте реалистами! Требуйте невозможного!» и «Я принимаю свои желания за реальность, потому что верю в реальность своих желаний!»? Разве вы, в конце концов, не помните анархистку Эмму Гольдман, сказавшую однажды, что она не хотела бы участвовать в революции, в которой не могла бы танцевать?

В заключение я лишь хочу повторить, что причина, по которой ведутся дебаты и диалоги, вовсе не в личностях – по крайней мере, не это объясняет мою заинтересованность; причина в весьма обоснованном беспокойстве по поводу того, в какую сторону смотрит экологическое движение. Насколько сильно я люблю дикую природу, насколько приятно мне вспоминать те величественные виды и то спокойное ощущение свободы, которое всегда дарят мне наши леса, настолько же невозможно для меня закрыть глаза на социальные проблемы и человеческие страдания, которые создают предпосылки нашего экологического кризиса и экологической несознательности. Я не стану выступать как ворчливый эрудит в академической башне из слоновой кости или как мизантропический защитник дикой природы, не стану обрушиваться в своих проповедях на презренное «Человечество», одновременно превознося перед ним туманную абстракцию, называемую «Природой».

Природа имеет для меня вполне реальный и конкретный смысл, как живая, никогда не прекращающаяся, поражающая воображение эволюция – и как вполне реальные

порождения этой эволюции, именуемые людьми. Я отказываюсь демонизировать «природу» во имя «человечества» или же наоборот, создавая поверхностную, одностороннюю этическую дилемму «биоцентризм – антропоцентризм». Я отвергаю необходимость выбора между подобными абстракциями, не имеющими под собой никаких оснований. Я требую права быть натуралистом и левым одновременно, подниматься над расплывчатыми упрощениями и решать экологические проблемы заодно с социальными под знаменем социальной экологии.

Одна из моих главных целей заключается в том, чтобы способствовать развитию неиерархической этики комплементарности как среди людей, так и в отношениях между человечеством и нечеловеческой жизнью. Это должно стать отправной точкой, непоколебимой общей основой для всего радикального экологического движения. Возможно, самый большой вклад этого диалога между Дейвом Форменом и мной в том, что он доказывает: если радикальные экологи могут договориться и принять это как общую позицию, значит, мы можем работать вместе и – несмотря на наши разногласия – учиться друг у друга. И я верю, что это даёт надежду экологическому движению.